

Александр Иванович Герцен

СОРОКА-ВОРОВКА

Повесть

(ПОСВЯЩЕНО МИХАИЛУ СЕМЕНОВИЧУ ЩЕПКИНУ)

Твой дом, украшенный богато,
Гостям-согражданам открыт;
Там Терпсихора и Эрато
С подругой Талией гостит;
Хозяин, ласковый душою,
Склоняет к ним приветный взор.
"Украинский вестник на 1816 год"

-- Заметили ли вы, -- сказал молодой человек, остриженный под гребенку, продолжая начатый разговор о театре, -- заметили ли вы, что у нас хотя и редко хорошие актеры, но бывают, а хороших актрис почти вовсе нет и только в предании сохранилось имя Семеновой; не без причины же это.

-- Причину искать недалеко; вы ее не понимаете только потому, -- возразил другой, остриженный в кружок, -- что вы на все смотрите сквозь западные очки. Славянская женщина никогда не привыкнет выходить на помост сцены и отдаваться глазам толпы, возбуждать в ней те чувства, которые она приносит в исключительный дар своему главе; ее место дома, а не на позорище. Незамужняя -- она дочь, дочь покорная, безгласная; замужем -- она покорная жена. Это естественное положение женщины в семье если лишает нас хороших актрис, зато прекрасно хранит чистоту нравов.

-- Отчего же у немцев, -- заметил третий, вовсе не стриженный, -- семейная жизнь сохранилась, я полагаю, не хуже, нежели у нас, и это нисколько не мешает появлению хороших актрис? Да потом я и в главном не согласен с вами: не знаю, что делается около очага у западных славян, а мы, русские, право, перестаем быть такими патриархами, какими вы нас представляете.

-- А позвольте спросить, где вы наблюдали и изучали славянскую семью? У высших сословий, живущих особою жизнью, в городах, которые оставили сельский быт, один народный у нас., по большим дорогам, где мужик сделался торгашом, где ваша индустрия развратила его довольством, развила в нем искусственные потребности? Семья не тут сохранилась; хотите ее видеть, ступайте в скромные деревеньки, лежащие по проселочным дорогам.

-- Однако, странное дело, большие дороги, города, все то, что хранит и развивает других, вредно для славян, так, как вам угодно их представлять; по-вашему, чтоб сохранить чистоту нравов, надобно, чтоб не было проезда,

сообщения, торговли, наконец, довольства, первого условия развивающийся жизни. Конечно, и Робинзон, когда жил один на острове, был примерным человеком, никогда в карты не играл, не шлялся по трактирам.

-- Все можно представить в нелепом виде; шутка иногда рассмешит, но опровергнуть ею ничего нельзя. Есть вещи, которых при всей ловкости западного ума вы не поймете, ну, так не поймете, как человек, лишенный уха, не понимает музыки, что ему вовсе не мешает быть живописцем или чем угодно. Вы не поймете никогда, что бедность, смиренная и трудолюбивая, выше самодовольного богатства. Вы не поймете нашего семейного, отеческого распорядка ни в избе, где отец-глава, ни в целом селе, где глава общины -- отец, Вы привыкли к строгим очертаниям прав, к рамам для лиц, сословий, к взаимному обузданию и недоверью, -- все это необходимо на Западе: там все основано на вражде, там вся задача государственная, как сказал ваш же поэт, в ловкой борьбе:

Здесь натиск пламенный, а там отпор суровый, Пружины смелые гражданственности новой.

-- Этой дорогой я не думаю, чтоб мы скоро добрались до решения вопроса, отчего у нас редки актрисы, -- сказал начавший разговор. -- Если для полноты ответа вы хотите *chemin faisant* [попутно (фр.)] разрешить все исторические и политические вопросы, то надобно будет посвятить на это лет сорок жизни, да и то еще успех сомнителен. Вы, любезный славянин, сколько я понимаю, хотите сказать, что у нас оттого нет актрис, что женщина существует ее как лицо, а как член семейства, которым она поглощается: гут много истинного. Однако вы полагаете, что семейство -- в маленьких деревеньках; ну, в ведь актрисы берутся не из этих же деревенок, к которым нет проезда.

-- Здесь позвольте мне отвечать вам, -- заметил европеец (так мы будем называть нестриженого), -- у нас вообще и по шоссе, и по проселочным дорогам женщина не получила того развязного нрава участия во всем, как, например, во Франции; встречаются исключения, но всегда неразрывные с каким-то фанфаронством, -- лучшее доказательство, что это исключение. Женщина, которая бы вздумала у нас вести себя наравне с образованным мужчиной, не свободно бы пользовалась своими правами, а хотела бы выказать свое освобождение.

-- Конечно, такая женщина была бы урод; и по счастью, -- возразил славянин, -- не у нас надобно искать *la femme émancipée* [эмансипированную женщину (фр.)], да и вообще надобно ли ее где-нибудь искать -- я не знаю. Вот что касается до человеческих прав, то обратите несколько внимания на то, что у нас женщина пользовалась ими с самой глубокой древности больше, нежели в Европе, ее именье не сливалось с именьем мужа, она имеет голос на выборах, право владения крестьянами.

-- Конечно, из прав, которыми пользуются у нас дамы, ее все принадлежат европейской женщине. Но, извините, здесь речь вовсе не о писанных, правах, а именно о правах неписанных, об общественном мнении. Что сказали бы мы сами, если бы в нашу беседу, очень тихую и пе

имеющую в себе ничего оскорбительного, вдруг явилась одна из знакомых дам? Я уверен, что и нам и ей было бы не по себе; мы совсем иначе настраиваем себя, если предвидим дамское общество: в этом недостаток уважения к женщине.

-- Как вы начитались Жоржа Санда. Мужчина вовсе не должен быть с женщинами нараспашку; и зачем женщина пойдет делить его беседу? Мне ужасно нравятся мужские собрания, в которые не мешаются дамы, -- в этом есть что-то строгое, неизнеженное.

-- И чрезвычайно гуманное относительно женщин, которые покинуты дома. Вы, я думаю, пошли бы в запорожские казаки, если б попрежде родились,

-- Ваша мысль до того иностранная, что вы и слова русского не прибрали, чтоб ее выразить. Как будто мало женщине дела в скромном кругу домашней жизни; я не говорю уж о матери, которой обязанности и тан святы и так сложны.

-- Ох, этот скромный круг! Император Август, который разделял ваши славянские теории, держал дочь дома и с улыбкой говорил спрашивавшим о ней: "Дома сидит, шерсть прядет". Ну, а знаете, нельзя сказать, чтоб нравы ее сохранились совершенно чистыми. По-моему, если женщина отлучена от половины наших интересов, занятий, удовольствий, так она вполовину менее развита и, браните меня хоть по-чешски, вполовину менее нравственна: твердая нравственность и сознание неразрывны.

-- Теперь мой черед вам возражать, -- сказал начавший разговор. -- Каждый видел своими собственными глазами, что у нас в образованных сословиях женщины несравненно выше своих мужей; вот и ловите жизнь после этого общими формулами. Дело очень понятное. Мужчина у нас не просто мужчина, а военный или статский; он с двадцати лет не принадлежит себе, он занят делом: военный -- ученьями, статский -- протоколами, выписками, а жены в это время, если не ударятся исключительно в соленье и варенье, читают французские романы.

-- Поздравляю их. Должно быть хорошо образование, -- вставил славянин, -- которое можно почерпнуть из Бальзака, Сю, Дюма, из этой болтовни старика, начинающего морализировать от истощения сил.

-- Я с вами, пожалуй, соглашусь, хоть я и не говорил, что дамы читают именно те романы, о которых вы говорите; и тут, удивительное дело, самые пустые французские романы больше развивают женщину, нежели очень важные занятия развивают их мужей, и это отчасти оттого, что судьба так устроила француза: что б он ни делал, он все учит. Он напишет дрянной роман с неестественными страстями, с добродетельными пороками и с злодейскими добродетелями да по дороге или, вернее, потому, что это совсем не по дороге, коснется таких вопросов, от которых у вас дух займется, от которых вам сделается страшно, а чтоб прогнать страх, вы начнете думать. Положим, что вопросов-то и не разрешите вы, да самая возбужденность мысли есть своего рода образование. Вот, видя это отношение женского образования у нас к мужскому, я и удивляюсь, что нет актрис.

-- Да что же вам еще надо, -- возразил с запальчивостью славянин, -- у нас нет актрис потому, что занятие это несовместно с целомудренной скромностью славянской жены: она любит молчать.

-- Давно бы вы сказали, -- прибавил европеец, -- вы больше объяснили, нежели хотели. Теперь ясно, отчего у нас актрис нет, а танцовщиц очень много. Но шутки в сторону. Я думаю, у нас оттого нет актрис, что их заставляют представлять такие страсти, которых они никогда не подозревали, а вовсе не от недостатка способностей. Каждое чувство, повторяемое артистом, должно быть ему коротко знакомо для того, чтоб его выразить не карикатурно. Китайца в "Opium et champagne" ["Опиум и шампанское" (фр.)] ничего не значит представить, но есть ли возможность, чтоб я хорошо сыграл индейского брамина, повергнутого в глубокое отчаяние оттого, что он нечаянно зацепился за парию, или боярина XVII столетия, который в припадке аристократического местничества, из point d'honneur, валяется под столом, а его оттуда тащат за ноги. Если б, в самом деле, у нас женщина не существовала как лицо, а была бы совершенно потеряна в семействе, тут нечего было бы и думать об актрисе. В пастушеской жизни, как и везде, могут быть страсти, но не те, которые возможны в драме, -- слепая покорность, коварная скрытность, двоедушные так же мало идут в истинную драму, как подлое убийство, как чувственность. Необразованная семья слишком неразвита, она семья, -- а в драме нужны лица. По счастью, такая семья только и существует в преданиях да в славянских мечтах. Но если мы и перешагнули за плетень патриархальности, так не дошли же опять до той всесторонности, чтоб глубоко сочувствовать прожитому, выстраданному опыту других. Ну, я вас спрашиваю, как сыграет русская актриса Деву Орлеанскую? это не в ее роде совсем; или: как русский актер воссоздаст эти величавые и мрачные, гордые и самобытные шекспировские лица, окружающие его Иоанна, Ричарда, Генрихов, -- лица совершенно английские? Они для него так же странны, как человек, который бы нюхал глазами и ушами пел бы песни. Фальстафа он представит скорее, Потому что в Фальстафе есть черты, которые мы можем видеть во всяком доме, во всяком уездном городе...

-- Но есть же и общечеловеческие страсти?

-- И да и-- нет. Отелло был ревнив по-африкански и задушил невинную Дездемону, потом зарезался, называя себя "собакой". А у меня был приятель, сосед по имению, тоже преревнивый; он перехватил раз пись-мо, писанное к его жене и притом очень недвусмысленное; в припадке ярости он употребил отеческую исправительную меру, приобщил к ней всю девичью, отдал в солдаты лакея -- и помирился с женой. Ревность -- одна страсть, но похожа ли она в бешеном мавре и в нравоучительном приятеле? До некоторой степени можно натянуть себя на понимание чуждого положения и чуждой страсти, но для художественной игры этого мало. Поверьте, так как поэт всюду вносит свою личность, и чем вернее он себе, чем откровеннее, тем выше его лиризм, тем сильнее он потрясает ваше сердце; то же с, актером: чему он не сочувствует, того он не выразит или

выразит учено, холодно; вы не забывайте, он все же себя вводит в лицо, созданное поэтом.

-- О чем это вы так горячо проповедуете? -- спросил, входя в комнату, один известный художник.

-- Вот кстати-то, как нельзя больше; решайте нам вопрос, занимающий нас; мы единогласно выбираем вас непогрешающим судьей.

-- Много чести. В чем же дело?

-- Во-первых, скажите, видали ли вы русскую актрису, которая бы вполне удовлетворила всем вашим требованиям на искусство?

-- Которая была бы не хуже Марс, Рашель?

-- Хоть Аллан и Плесси.

-- Видел, -- отвечал артист, -- видел великую русскую актрису; только я ее сужу без всякого сравнения; все названные вами актрисы хороши, велики, каждая в своем роде, но как их искусство относится к той, которую я видел, не знаю. Знаю, что я видел великунУ актрису и что она была русская.

-- В Москве или Петербурге?

-- Вот задача-то для нашего славянина, -- подхватил один из говоривших, -- как вы думаете, ведь театр-то более принадлежит петербургской эпохе, нежели московской. Ну, где же она была?

-- Все-таки, должно быть, в Москве, -- решительно возразил славянин.

-- Успокойтесь, Я ее видел ни там, ни тут, а в одном маленьком губернском городе.

-- Вы это, верно, говорите для оригинальности, хотите нас поразить эффектом.

-- Может быть. Вы признали меня непогрешающим судьей -- ваше дело верить. Ну, как я теперь вам докажу, что двадцать лет тому назад я видел великую актрису, что я тогда рыдал от "Сороки-воровки" [Историческая мелодрама (1815) Кенъе и д'Обиньи] и что все это было в. маленьком городке?

-- Очень легко. Расскажите нам какие-нибудь подробности о ней: ведь не с неба же она свалилась прямо в "Сороку-воровку" и не улетела же вместе с безнравственной птицей.

-- Пожалуй, -- да только эти воспоминанья не отрадны для меня, как-то очень тяжелы. Но извольте, что помню -- расскажу. Дайте сигару.

-- Вот вам *casadores cubrey*, -- сказал европеец, вынимая из портфеля длинную, стройную сигару, которой наружность ясно доказывала, что она принадлежит к высшей аристократии табачного листа.

-- Вы знаете человеческую слабость -- о чем бы человек ни вспоминал, он начинает всегда с того, что вспомнит самого себя; так и я, грешный человек, попрошу у вас позволения начать с самого себя.

-- От души позволяем, от всей души.

-- Не знаю, будут ли подробности об актрисе интересны, а об вас-то наверное: *Parlez-nous de vous, notre grand-pere Parlez-nous de vous!* [Расскажите нам о себе, дедушка, расскажите нам о себе! (фр.)] -- напевал европеец.

Все успокоились, все немножко подвинулись, как обыкновенно бывает, когда приготавливаются слушать. Передаю здесь, насколько могу, рассказ художника; конечно, записанный, он много потеряет и потому, что трудно во всей живости передать речь, и потому, что я не все записал, боясь перегрузить статейку. Но вот его рассказ.

-- Вы знаете, что я начал свое артистическое поприще на скромном провинциальном театре. Дела нашего театра порасстроились; я был уж женат, -- надобно было думать о будущем. В самое это время распространились более и более сказочные повествования о театре князя Скалинского в одном дальнем городе. Любопытство видеть хорошо устроенный театр, надежды, а может быть, и самолюбие, сильно манили туда. Долго думать было не о чем; я предложил одному из товарищей, который вовсе ее предполагал ехать, отправиться вместе в N, и через неделю мы были там. Князь был очень богат и проживался на театр. Вы можете из этого заключить, что театр был не совсем дурен. В князе была русская широкая, размашистая натура: страстный любитель искусства, человек с огромным вкусом, с тактом роскоши, ну, и при этом, как водится, непривычка обуздываться а расточительность в высшей степени. За последнее винить его не станем: это у нас в крови; я, небогатый художник, и он, богатый аристократ, и бедный поденщик, пропивающий все, что выработывает, в кабаке, -- мы руководствуемся одними правилами экономии; разница только в цифрах.

-- Мы -- не расчетливые немцы, -- заметил с удовольствием славянин.

-- В этом нельзя не согласиться, -- прибавил европеец. -- Останавливался ли кто из нас мыслию, что у него денег мало, например, когда ему хотелось выпить благородного вина? За него, говорит Пушкин:

Последний бедный лепт, бывало, Давал я, помните ль, друзья?

Совсем напротив: чем меньше денег, тем больше тратим. Вы, верно, не забыли одного из наших друзей, который, отдавая назад налитой стакан плохого шампанского, заметил, что мы еще не так богаты, чтоб пить дурное вино.

-- Господа, мы мешаем рассказу. Итак-с?

-- Ничего. -- Князь слышал обо мне прежде. Когда я явился к нему, он был в своей конторе и раздавал билеты, с глубоким обсуживанием, достоин или нет и какого именно места достоин приславший за билетом. "Очень рад, очень рад, что вы вздумали наконец посетить наш театр, вы будете нашим дорогим гостем", -- и бездну любезностей; мне оставалось благодарить и кланяться. Князь говорил о театре как человек, совершенно знающий и сцену и тайну постановки. Мы остались, кажется, довольны друг другом. -- В тот же вечер я отправился в театр; не помню, что давали, но уверяю, что такой пышности вам редко случалось видеть: что за декорации, что за костюмы, что за сочетание всех подробностей! Словом, все внешнее было превосходно, даже выработанность актеров, по я остался холоден: было что-то натянутое, неестественное в манере, как дворовые люди князя представляли лордов и принцесс. Потом я дебютировал, был принят публикой как нельзя лучше: князь осыпал меня учтивостями.

Приготовляясь ко второму дебюту, я пошел в театр. Давали "Сороку-воровку"; мне хотелось посмотреть княжескую труппу в драме.

Пьеса уже началась, когда я вошел; я досадовал, что опоздал, и рассеянно, не понимая, что делают ца сиене, смотрел по сторонам, смотрел на правильное размещение лиц по чинам, на странное сборище физиономий, вовсе друг на друга не похожих, а выражающих одно и то же, на провинциальных барынь, пестрых, как американские птицы, и на самого князя, который так гордо, так озабоченно сидел в своей ложе. Вдруг мойя поразил слабый женский, голос; в нем выражалось такое страшное, глубокое страдание. Я устремился глазами на сцену. Служанка откупщика узнала в старом бродяге своего отца, беглого солдата... Я почти не слушал ее слов, а слушал голос. "Боже мой! -- думал я. -- Откуда взялись такие звуки в этой юной груди; они не выдумываются, не приобретаются из сольфеджей, а бывают выстраданы, приходят наградой за страшные опыты". Она провожает отца до плетня, она стоит перед ним так просто, задумчиво; надежд мало его спасти, -- и когда старик уходит, вместо слов, назначенных в роли, у нее вырвался неопределенный крик -- крик слабого, беззащитного существа, на которое обрушилось тяжкое, незаслуженное горе. Теперь, через двадцать лет, я слышу этот раздирающий крик.

Он приостановился.

-- Да, господа, -- сказал он, помолчавши, -- это была великая русская актриса!

Вероятно, вы знаете сюжет "Сороки-воровки", хоть по россиниевской опере. Страшная пьеса, после которой ничего бы не оставалось на душе, кроме отчаяния, если бы не приделали мелодрамную развязку. Анету обвиняют в краже; подозрение имеет как будто полное право пасть на ее голову; как ее не подозревать? Она бедна, она служанка. Да и, наконец, если обвинение окажется несправедливым, что за беда; ей скажут: "Поди, голубушка, домой; видишь, какое счастье, что ты невинна!" А до какой степени все это вместе должно разбить, уничтожить оскорблением нежное существо -- Этого рассказать не могу; для этого надобно было видеть игру Анеты, видеть, как она, испуганная, трепещущая и оскорбленная, стояла при допросе; ее голос и вид были громкий протест -- протест, раздирающий душу, обличающий много нелепого на свете и в то же время умягченный какой-то теплой, кроткой женственностью, разливающей свой характер нежной грации на все ее движения, на все слова. Я был изумлен, поражен; этого я не ожидал. Между тем пьеса развивалась, обвинение шло вперед, бальи [судья (от фр. bailli)] хотел его для наказания неприступной красавицы; черные люди суда мелькали по сцене, толковали так глубокомысленно, рассуждали так здраво, -- потом осудили невинную Анету, и толпа жандармов повела ее в тюрьму... да, да, вот как теперь вижу, бальи говорит: "Господа служивые, отведите эту девицу в земскую тюрьму", -- и бедная идет!, Но она останавливается еще раз. "Ришар, -- говорит она, -- я невинна, да неужели и ты не веришь, что невинна!" И тут уже среди стога угнетенной женщины звучит вопль негодования, гордости, той непреклонной гордости, которая развивается на краю унижения, иосле

потери всех надежд, -- развивается вместе с сознанием своего достоинства и тупой безвыходности положения. Помните старый анекдот, как добрый немец закричал из райка людям убитого командора, искавшим Дон-Жуана: "Он побежал направо в переулок!"" Я чуть не сделал того же, когда Анету повели солдаты. Потом сцена в тюрьме с балли. Развратный старик видит невиновность ее в краже и предлагает продажей чести купить свободу. Несчастливая жертва вырастает, ее слова становятся страшны, и какая-то глубокая ирония лица удваивает оскорбительную силу слов. Я как-то случайно взглянул в продолжение этой сцены на князя; он был сильно потрясен, вертелся, покидал лорнет, опять брал его. "Как такому знатоку не быть пораженным этой игрой! Он, верно, умел вполне ценить такую актрису", -- подумал я. Тихо, с опущенной головой, с связанными руками шла Анета, окруженная толпою солдат, при резких звуках барабана и дудки. Ее вид выражал какую-то глубокую думу и изумление. В самом деле, представьте себе всю нелепость: это дитя, слабое, кроткое, с светлым челом невинности, и французские солдаты с тесаками, с штыками, и барабаны; да где же неприятель? А: неприятель-то -- это дитя в середине их, и они победят его... но она останавливается перед церковью, бросается молча на колени, поднимает задумчивый взгляд к небу; не укор Прометея, не надменность Титана в этом взгляде, совсем нет, а так, простой вопрос: "За что же это? И неужели это правда?" Ее повели. Я рыдал, как ребенок. Вы знаете предание о "Сороке-воровке"; действительность не так слабонервна, как драматические писатели, она идет до конца: Анету казнили. В пьесе открывают, что воровка не она, а сорока, -- и вот Анету несут назад в торжестве, но Анета лучше автора поняла смысл события; измученная грудь ее не нашла радостного звука; бледная, усталая, Анета смотрела с тупым удивлением на окружающее ликование, со стороною упований и надежд, кажется, она не была знакома. Сильные потрясения, горький опыт подрезали корень, и цветок, еще благоуханный, склонялся, вянул; спасти его нельзя было; как мне жаль было эту девушку!..

-- Фу, боже мой, -- продолжал он, обтирая лицо платком, -- я такую волю дал воображению и воспоминанию, что, кажется, и заврался и расплакался; да я не могу об этих предметах иначе говорить, всякий раз увлекусь... Ну, занавесь опустилась. Как дорого бы я дал, чтоб ее опять подняли; еще бы раз взглянуть на эту потухающую красоту, на это изящное страдание. Но ее не вызывали. Не увидеть Анеты я не мог; идти к ней, сжать ей руку, молча, взглядом передать ей все, что может передать Художник другому, поблагодарить ее за святыя мгновения, за глубокое потрясение, очищающее душу от разного хлама, -- мне это необходимо было, как воздух. Я бросился за кулисы... в партере меня остановил один любитель театра; он кричал мне, выходя из своего ряда: "А ведь Диета-то недурна была, как вам? Очень недурна, немножко манеры тривиальны". Я не возражал ему ни слова; его бы не убедил, а время терять не хотел. "Куда вы?" -- спросил меня официант, стоявший при входе за кулисы. "Я желаю видеть Анету, понимаешь, ту актрису, которая представляла сегодня служанку". -- "Без княжого позволения нельзя". -- "Помилуй, любезный, я

сам артист, третьего дня играл". -- "Мне не было приказу вас пускать". -- "Пожалуйста", -- сказал я, выразительно опустивши два пальца в жилетный карман "Какие вы мудреные, -- отвечал лакей, -- что же, мне из-за вас свою спину подставить?" Я больше не настаивал и отправился домой, но я был близок к отчаянию, я был несчастен, и это не фраза, не пустое слово... Неужели из вас никому не случалось отдаваться безотчетно--и бесцельно обаятельному влиянию женщины, вовсе не близкой, долго смотреть на нее, долго ее слушать, встречаться взглядом, привыкнуть к ее улыбке и так вжиться в эту летучую симпатию, что вы потом удивляетесь ее силе, когда эта женщина исчезает; и вы себя чувствуете как-то оставленным, одиноким; какая-то горечь наполняет душу, и весь вечер испорчен, и вы торопитесь домой и сердитесь, что у вас в передней нагорело на свече и что сигара скверно курится, -- все оттого, что сыграли роман в полтора часа, роман с завязкой и развязкой. Если вы это испытали, то поймете, что происходило во мне, молодом художнике; тоска по Анете привела меня в лихорадочное состояние. Я, больной, бросился на кровать, я бредил, спал и не спал, и в обоих случаях образ несчастной служанки носился передо мною. То она стоит, осужденная, так просто, удивительно просто; кругом сумасшедшие, -- их называют судьи, -- и мне становилось горько; никто из них не может понять, что с этим лицом и с этим голосом нельзя быть виноватой. То вооруженные стражи ведут ее, со связанными руками, на торжественное убийство и думают, что делают дело. То несут ее с криками радости, ей толкуют, говорят, что все прошло, что она свободна, -- а она устала, у ней нет сил обрадоваться, она как будто спрашивает: "Да что же было, ведь ничего и не было?" Словом, тысячи вариаций на тему "Сороки-воровки" бродили у меня в голове всю ночь.

На другой день утром, часов в одиннадцать, я отправился в дом князя с твердым намерением лечь костями или добиться аудиенции у Анеты. Когда я взошел на парадное крыльцо -- один отпертый вход во все дома, домики и флигеля князя, -- явился швейцар с своим глобусом на палке. Начался допрос: к кому, зачем? Я сказал. Швейцар объявил мне, что без письменного дозволения от князя меня не пропустят. "Ну, меценат ревнив", -- подумал я. "Да как же берут эти дозволения?" -- "Пожалуйте в контору, там управляющий может доложить его сиятельству". Швейцар позвонил; вышел официант и повел меня в контору. Гордо развалясь перед конторкой, сидел толстый управляющий, и, несмотря на ранний час, он уже успел не только утолить голод, но даже и жажду. Я объяснил ему мою просьбу; вероятно, толстый господин не очень бы двинулся для меня, но он знал, что князь хотел заманить меня в свою труппу, и, предоставляя себе делать мне отказы и неприятности впоследствии, счел за нужное теперь уступить моей просьбе и сам отправился к князю для переговоров по такому важному делу. Через минуту он возвратился с вестью, что князь билет подпишет и пришлет в контору. Мне было некуда идти, я сел в угол. В конторе царствовала большая деятельность. Француз-декоратёр прибежал крупно браниться с управляющим и ломаным русским языком говорил совершенно не русские вещи; он был растрепан, в засаленном

сюртуке и так гордо смотрел, как сам управляющий, и так ругался, как сам князь. Потом управляющий велел позвать какого-то Матюшку; привели молодого человека с завязанными руками, босого, в сером кафтане из очень толстого сукна. "Пошел к себе. -- сказал ему грубым голосом управляющий, -- да если в другой раз осмелишься выкинуть такую штуку, я тебя не так угощу; забыли о Сеньке". Босой человек поклонился, мрачно посмотрел на всех и вышел вон. "Sacre" [Проклятый (фр.)], -- пробормотал декоратёр и вышел вон, надевши середь комнаты шляпу. "Лицо молодого человека мне что-то очень знакомо", -- сказал я лакею, случившемуся близь меня. "Да вы с ним третьего дня играли". -- "Неужели это тот, который играл лорда?" -- "Тот самый". -- "За что это его так скрутили?" -- спросил я, понизив голос. Лакей бросил косвенный взгляд на управляющего, и, видя, что он щелкает на счетах, следственно, совершенно поглощен, отвечал мне полусшепотом: "Записочку перехватили к одной актерке; ну, князь этого у нас недолюбливает, то есть не сам-то... а то есть насчет других-то недолюбливает; он его и велел на месяц посадить в сибирку". -- "Так это его тогда приводили на сцену оттуда?" -- "Да-с; им туда роли посылают твердить... а потом связавши приводят". -- "Порядок всего дороже", -- отвечал я, и желание идти в княжескую труппу начало остывать.

Дверь в контору растворилась с шумом, все вскочили, вошел князь. Лакей взглянул на меня, я понял: это была просьба о скромности, Князь прямо подошел ко мне и, подавая билет, заметил, как ему приятно, что артистка его труппы заслужила такое одобрение от меня, весьма лестно отзывался о ней, страх как жалел, что она слаба здоровьем, извинялся, что меня не, пустили без билета... "Делать нечего, порядок в нашем деле -- половина успеха; ослабь сколько-нибудь вожжи -- беда, артисты люди беспокойные. Вы знаете, может быть, что французы говорят: легче армией целой управлять, нежели труппой актеров. Вы не сердитесь за это, -- прибавил он, смеясь, -- вы так привыкаете играть разных царей, вельмож, что и за кулисами остаются такие замашки". -- "Князь, -- сказал я, -- если французы это говорят, то потому, что они не знают устройства вашей труппы и ее управления". -- "О, да вы к тому же и льстец большой!" -- заметал князь, грозя пальцем, и, благосклонно улыбнувшись, важно отправился к бюро. А я -- к Анете.

Пока я достиг флигеля, где жила Анета, меня, раза три останавливали то лакей в ливрее, то дворник с бородой: билет победил все препятствия, и я с биющим сердцем постучался робко в указанную дверь. Вышла девочка лет тринадцати, я назвал себя. "Пожалуйста, -- сказала она, -- мы вас ждем". Она привела меня в довольно опрятную комнатку, вышла в другую дверь; дверь через минуту отворилась, и женщина, одетая вся в белом, шла скорыми шагами ко мне. Это была Анета. Она протянула мне обе руки и сказала:

-- Чем заслужила я это... благодарю вас... -- сказала тем голосом, который вчера так сильно потряс меня, и прежде, нежели я успел, что-нибудь отвечать, она залилась слезами. -- Извините, -- шептала она сквозь слезы

прерывающимся голосом, -- бога ради, извините... это сейчас пройдет... я так обрадовалась... я слабая женщина, простите.

-- Успокойтесь, что с вами? успокойтесь, -- говорил я ей, и мои слезы капали на жилет, -- если б я знал, что мое посещение...

-- Полноте, как вам не грешно, полноте, -- и она снова протянула мне руку, омоченную слезами, а другою закрыла глаза, -- вы не можете понять, сколько добра вы мне сделали вашим посещением, это -- благодеяние... будьте же снисходительны, подождите минуту... я немного выпью воды, тогда все пройдет, -- и она улыбнулась мне так хорошо и так печально... -- Мне давно хотелось поговорить с художником, с человеком, которому я могла бы все сказать, но я не ждала такого человека, и вдруг вы, -- я вам очень благодарна. Пойдемте в ту комнату, здесь могут нас подслушать; не думайте, чтоб я боялась, нет, ей-богу, нет. Но это шпионство унижительно, грязно... и не для их ушей то, что я вам хочу сказать.

Мы вошли в спальню; она выпила воды и бросилась на стул, указывая мне на кресло. Где были все придуманные мною похвалы, где были эти тонкие замечания, которыми я хотел похвастать? Я смотрел на нее сквозь слезы, смотрел, и грудь моя поднималась. Лицо ее, прекрасное, но уже изнеможенное, было страшное сказанье: в каждой черте можно было прочесть ту исповедь, которая звучала в ее голосе вчера. К этим чертам, к этому лицу прибавлять много не было нужды: несколько собственных имен, несколько случайностей, чисел; остальное было высказано очень ясно. Огромные черные глаза блистали не восточной негой, а как-то траурно, безнадежно; огонь, светившийся в них, кажется, сжигал ее. Худое и до невероятности истомленное лицо покраснелось от слез как-то неестественно, чахоточно; она отбросила волосы за ухо и склонила на руку, опертую на стол, свою голову. Зачем тут не было Кановы или Торвальдсена: вот статуя страдания -- страдания внутреннего, глубокого! "Что за благородная, богатая натура, -- думал я, -- которая так изящно гибнет, так страшно и так грациозно выражает несчастье!.." Минутами артист побеждал во мне человека... я восхищался ею как художественным произведением.

Между тем она оправилась и говорила:

-- Не правда ли, какая смешная встреча? Да еще не конец; я вам хочу рассказать о себе; мне надобно высказаться; я, может быть, умру, не увидевши в другой раз товарища-художника... Вы, может быть, будете смеяться, -- нет, это я глупо сказала, -- смеяться вы не будете. Вы слишком человек для этого, скорее вы сочтете меня за безумную. В самом деле, что за женщина, которая бросается с своей откровенностью к человеку, которого не знает; да ведь я вас знаю, я видела вас на сцене: вы -- художник.

Я жал ее руку и не мог вымолвить ни слова.

-- История моя не длинна, очень коротка, напротив: я не утомлю вас; послушайте ее хоть за то удовольствие, которое я вам доставила Анетой,

-- Да говорите, ради бога, говорите; я жадно ловлю каждое слово, хотя, скажу вам откровенно, я бы мог вам рассказать вашу историю, не слыхав ни от вас, ни от кого другого ни слова... я ее знаю.

-- Вот потому-то я вам и расскажу ее. Я не так давно в здешней труппе. Прежде я была на другом провинциальном театре, гораздо меньшем, гораздо хуже устроенном, но мне там было хорошо, может быть оттого, что я была молода, беззаботна, чрезвычайно глупа, жила, не думая о жизни. Я отдавалась любви к искусству с таким увлечением, что на внешнее не обращала внимания, я более и более вживалась в мысль, вам, вероятно, коротко знакомую, -- в мысль, что я имею призвание к сценическому искусству; мне собственное сознание говорило, что я -- актриса. Я беспрерывно изучала мое искусство, воспитывала те слабые способности, которые нашла в себе, и радостно видела, как трудность за трудностью исчезает. Помещик наш был добрый, простой и честный человек; он уважал меня, ценил мои таланты, дал мне средства выучиться по-французски, возил с собою в Италию, в Париж, я видела Тальму и Марс, я пробыла полгода в Париже, и -- что делать! -- я еще была очень молода, если не летами, то опытом, и воротилась на провинциальный театрик; мне казалось, что какие-то особенные узы долга связуют меня с воспитателем. Еще бы год!., мало ли что могло бы быть... Он умер скоропостижно; в мрачной боязни ждали мы шесть недель; они прошли, вскрыли бумаги, но отпускные, написанные нам, затерялись, а может, их и вовсе не было, может, он по небрежности и не успел написать их, а говорил нам так, вроде любезности, что они готовы. Новость эта оглушила нас; пока мы еще плакали да думали, что делать, нас продали с публичного торга, а князь купил всю труппу. Он нас хорошо принял, хорошо поместил, как вы сами видите, даже положил большие оклады, не стесняя себя, впрочем, точностью выдачи. Но это был уже не прежний директор, добродушный и снисходительный; он с первого разу дал почувствовать всю необъятную разницу между им и его гаерами, назначенными для удовольствия. Он привык к раболепию, он протягивал свою руку охотникам целовать; дворецкий и толпа его фаворитов старались подражать ему в обращении. Тяжело было на сердце, очень тяжело, но были еще и отрадные минуты; меня берегли за талант, и я умела еще так предаваться искусству, что забывала окружающее; меня тешило -- самой смешно и стыдно теперь -- прекрасное устройство театра. Все это прошло, -- даже становится невероятным, что было.

Я стала замечать, что князь особенно внимателен ко мне; я поняла эту внимательность и -- вооружилась. Князь не привык к отказам из труппы. Я делала вид, что ничего не понимаю; он счел за нужное высказывать яснее и яснее свои намерения; наконец он подослал ко мне управителя, сулил отпускную на том условии, чтоб я на десять лет сделала контракт с его театром, не говоря о других обещаниях и условиях. Я прогнала управителя, и на время преследования прекратились. Раз поздно вечером, воротившись с представления, я читала вслух, одна, читала вновь переведенную с немецкого трагедию "Коварство и любовь". Вы знаете, вероятно, ее. В ней так много близкого душе, так много негодования, упрека, улики в нелепости жизни, которую ведут люди; когда читаешь ее, будто вспоминаешь что-нибудь родное, близкое, бывалое. Все лица этой пьесы

оставляют какое-то тяжелое впечатление -- гофмаршал, и леди, и старик камердинер, у которого дети пошли добровольно в Америку... и милые дети, Фердинанд и Луиза. Знаете, Луизу я сыграла бы, особенно сцену с Вурмом, где он заставляет писать письмо, если бы можно, при вас, да князь не любит таких пьес. Итак, я читала "Коварство и любовь" и была совершенно под влиянием пьесы, увлечена, одушевлена ею; вдруг кто-то сказал: "Прекрасно, прекрасно!" -- и положил мне на раскрытое плечо свою руку. Я с ужасом отскочила к стене. Это был князь.

-- Что угодно приказать вашему сиятельству? -- спросила я голосом, дрожавшим от бешенства и негодования. -- Я слабая женщина, вы это сейчас видели, по уверяю, я могу быть и сильной женщиной.

(-- Я и это видел, -- возразил я, намекая на некоторые выражения в ее рассказе.)

-- Приказывать нечего, -- отвечал князь, стараясь придать пленительное выражение своему лицу, -- можно ли приказывать таким глазкам: они должны приказывать.

Я смотрела прямо ему в глаза. Он несколько смутился, он ждал какого-нибудь ответа. Но он скоро нашелся, подошел ко мне и, сказавши: "Ne faites done pas la prude [Не разыгрывай недотрогу (фр.)], не дурачься, ну, посмотри же на меня не так; другие за счастье поставили бы себе...", он взял меня за руку; я ее отдернула.

-- Князь, -- сказала я, -- вы меня можете отослать в деревню, на поселение, но есть такие права и у самого слабого животного, которых у него отнять нельзя, пока оно живо, по крайней мере. Идите к другим, осчастливьте их, если вы успели воспитать их в таких понятиях.

-- Mais elle est charmante! [А ведь она очаровательна! (фр.)] -- возразил князь. -- Как is ней идет этот гнев! Да полно ролю играть.

-- Князь, -- сказала я сухо, -- что вам угодно в моей комнате в такое время?

-- Ну, пойдем в мою, -- отвечал князь, -- я не так грубо принимаю гостей, я гораздо добрее тебя. -- И он придал своим глазам вид сладко-чувствительный. Старик этот в эту минуту был безмерно отвратителен, с дрожащими губами, с выражением... с гадким выражением.

-- Дайте вашу руку, князь, подите сюда.

Он, ничего не подозревая, подал мне руку; я, подвела его к моему зеркалу, показала ему его лицо и спросила его:

-- И вы думаете, что я пойду к этому смешному старику, к этому плешивому селадону? -- Я расхохоталась.

Князь побледнел от бешенства. В первую минуту он, вырвав свою руку, поднял ее и, вероятно, ударил бы меня в лицо, если б он больше владел собою. Он ограничился грубой бранью и вышел вон, крича:

-- Я тебя научу забываться! Кому смеешь говорить! Я, дескать, актриса, нет, ты моя крепостная девка, а не актриса...

Я захлопнула за ним дверь и бросила на пол столовый ножик, который без всякой мысли схватила, когда мне помешали читать, и потом спрятала его в рукав на всякий случай.

Что я чувствовала, как я провела эту ночь, вы можете понять. Не хочу - вам рассказывать ряда мелких, оскорбительных неприятностей, который начался для меня с этого дня. У меня отняли лучшие роли, меня "мучили" непрерывной игрой в ролях, вовсе чуждых моему таланту, со мною все наши власти начали обращаться грубо, говорили мне "ты", не давали мне хороших костюмов; не хочу потому рассказывать, что это все пойдет в похвалу князю: он не так бы мог посту-. пить со мною, он поделикатился, он меня уважил гонениями, в то время как он мог наказать меня другими средствами. Да и сказать правду, я думаю, меня не скоро бы они добились только такими мелочами... хуже всего этого были последние слова князя; они врезались в го-: лову, в сердце; я не знаю, как вам сказать, антонов огонь сделался около них... Я не могла отделаться от них, забыть... С тех пор я постоянно в лихорадке, сон не освежает меня, к вечеру голова горит, а утром я как в ознобе. Поверите ли, что с тех пор каждую неделю мне перешивают костюмы, и я радуюсь этому, а с тем вместе, признаюсь вам, страшно, страшно и больно. Да разве не могло иначе быть?.. Видно, что нет... С тех пор больная, в каком-то горячечном состоянии выхожу я на сцену, и меня осыпают рукоплесканиями, не понимая моей игры. Я с тех пор играю одну роль, зрители не догадались. Талант мой тухнет, я становлюсь одностороннее; есть роли, которые я играю небрежно, которые мне сделались невозможны. Итак, все кончено -- и талант и жизнь... прощай, искусство, прощайте, увлечения на сцене! Поживу еще года два с Князевыми словами: их бы вырезать на моей могиле.

Она умолкла. Я не нашел ей ничего сказать в утешение. Помолчавши, она продолжала;

-- Месяца два тому назад был бенефис. Прошу костюма -- не дают. "В таком случае, -- сказала я режиссеру, -- я куплю на свои деньги что надобно и сошью его себе". Надеваю шляпку и хочу идти в лавки.

-- Не велено никуда пускать без спросу; где у вас дозволение?

Я была раздражена и пошла в контору. Князь был там; подхожу к нему и прошу позволения идти в лавки.

-- Странное время тебе назначают любовники для свиданья -- утром! -- заметил князь к неопisanному удовольствию управляющего и лакеев.

Кровь бросилась мне в голову; мое поведение было незапятнанное; оскорбление вывело меня из себя.

-- Так это для сбережения нашей чести вы запираете нас? Ну, князь, вот вам моя рука, мое честное слово, что ближе году я докажу вам, что меры, вами избранные, недостаточны!

При этом я вышла прежде, нежели он успел сказать слово.

Тут она остановилась, взволнованная, изнуренная. Я ее просил успокоиться, выпить еще воды, держал ее холодную и влажную руку в моей... она опустила голову; казалось, ей тяжело продолжать. Но вдруг она подняла ее, гордую и величественную, и, ясно взглянув на меня, сказала:

-- Я сдержала слово!..

Я готов был броситься к ногам этой женщины. Кан высока, как сильна, как чудно изящна казалась она мне в эту минуту признания!

Мы помолчали.

-- Мой роман не оставил мне тех кротких, сладких воспоминаний счастья, упоений, как у других: в нем все лихорадочно, безумно: в нем не любовь, а отчаяние, безвыходность... Я вам не расскажу его, потому что, собственно, нечего рассказывать.

-- Князь знает? -- спросил я.

-- Вероятно, знает; он все знает... да я бы была в отчаянии, если б он не знал. Я не боюсь его; я умру в этой комнате, а уж проситься не пойду к нему. Я и это слово сдержу. Меня одно страшило: умереть, не выдавши человека... теперь вы понимаете, что для меня ваше посещение... Одно нехорошо, и тем хуже, что это прежде мне не приходило в голову! малютка будет его, он ему скажет: "Прежде всего ты мой". А, впрочем, я так слаба, так больна, что бог милостив -- приберет и его.

-- Да нельзя ли как-нибудь... располагайте мною.

-- Нет; вы видите, как нас строго пасут.

"Бедная артистка! -- думал я. -- Что за безумный, что за преступный человек сунул тебя на это поприще, не подумавши о судьбе твоей! Зачем разбудили тебя? Затем только, чтоб сообщить весть страшную, подавляющую? Спала бы душа твоя в неразвитости, и великий талант, неизвестный тебе самой, не мучил бы тебя; может быть, подчас и поднималась бы с дна твоей души непонятная грусть, зато она осталась бы непонятной".

-- Пора нам расстаться, -- сказала она печально.

-- Прощайте, благодарю вас; как бы я желал что-нибудь...

Она улыбнулась.

-- Вспоминайте иногда, что и во мне...

-- Погибла великая русская актриса!..

Я вышел, заливаясь слезами.

-- Знаешь ли, какая радость? -- сказал мне товарищ мой, когда я возвратился домой. -- Здесь сейчас был управляющий князя, удивлялся, что ты не приходишь еще домой, и велел тебе сказать, что князь желает тебя оставить на следующих условиях. -- Он с торжествующим лицом подал мне бумагу.

Условия были превосходны.

-- А знаешь ли ты новость? -- отвечал я ему. -- Идучи домой, я зашел к нашему ямщику и нанял ту же тройку, которая нас сюда привезла. Оставайся, если хочешь, а я через час еду.

-- Да что ты, с ума сошел?

-- Не знаю, но я здесь не останусь: климат не здоров для художника. А? Подумай-ка, да и поедem на наш старый театр, с его декорациями, в которых мудрено отличить тенистую аллею от реки, в которых море спокойно, а стены волнуются. Поедем-ка!

-- Я бы и готов, право, воротиться, -- отвечал товарищ, беззаботнейший из смертных, -- да ведь с голоду там умрем.

-- А здесь от сытости. Голод можно вылечить куском хлеба, а кусок хлеба, слава богу, с нашим здоровьем выработаем. Болезни от сытости не так скоро лечатся.

Товарищ задумался; я не хотел его уговаривать. Вдруг он помер со смеху:

-- Ха-ха-ха! Еду, братец, еду! Знаешь ли, что мне в голову пришло: как удивится Василий Петрович, когда мы через две недели воротимся, вот удивится-то!

Эта мысль о сюрпризе совершенно примирила моего приятеля с неожиданным путешествием. Однако он спросил:

-- Ну, а управляющему какой ответ?

-- Тут очень затрудняться нечем: не мы будем отвечать завтра, если сегодня уедем; ему скажут: вчера отправились обратно. Вот и князю сюрприз такой же, как Василью Петровичу.

-- В самом деле хорошо, оттого хорошо, что условия выгодны; пусть он знает, что не все. на свете покупается. Сейчас буду укладываться!-- И он начал увязывать и складывать небольшие пожитки наши, насвистывая мотив из "Калифа Багдадского".

Вот и все. Для полноты прибавлю, что через два часа мы попрыгивали в кибитке. Мне было скверно, какая-то желчевая злоба наполняла душу; я пробовал и на дорогу смотреть, и по сторонам, и сигары курить -- ничего не помогало. Да и, как на смех, небо было серо, ветер холоден, даль терялась за болотистыми испарениями, все виды, которыми я восхищался, ехавши сюда, были угрюмы; оттого ли, что я их видел в обратном порядке, или от чего другого, только они меня не веселили. Даже роскошные господские дома с парками и оранжереями, так гордо красовавшиеся между почерневших и полуразвалившихся изб, казались мне мрачными.

-- Что же сделалось потом с Анетой? Видели вы ее?

-- Нет; она умерла через два месяца после родов.

Художник отирал слезы, бежавшие по щеке. Молодые люди молчали; он и они представляли прекрасную надгробную группу Анете.

-- Все так, -- сказал, вставая, славянин, -- но зачем она не обвенчалась тайно?..

26 января 1846

Герцен А.И. Кто виноват? Роман; Повести. Рассказы

М., "Художественная литература", 1979 -- (Классики и современники. Русская классическая литература.)